

Надежда Пазухина, Dr. art

Институт философии и социологии
Латвийского университета,
Балтийская международная академия
Рига, Латвия

Семья и вера в реалиях советского времени: жизненные истории (life stories) латгальских староверов¹

Вопросы, связанные с проблемами сохранения и воспроизводства традиционного уклада жизни и религиозных практик отдельных этнорегиональных групп в условиях советского времени, попали в центр внимания исследователей сравнительно недавно. В последние два десятилетия круг этих вопросов зачастую рассматривался в контексте этнографического интереса к феномену традиционной культуры. Однако опыт сохранения религиозной традиции как части повседневности, «бытового исповедничества» важен и с точки зрения изучения социокультурного опыта религиозной общности, включенной в реалии политической и экономической жизни государства с жестким идеологическим контролем и репрессивными механизмами. В этом отношении латвийские староверы представляют собой особую религиозную группу, которая на протяжении всей истории своего существования несколько раз переживала периоды гонений и репрессий со стороны государства, однако сохранила достаточно высокую степень интегрированности в общественные социо-экономические процессы, а в отдельные периоды – прежде всего, это 1905 – 1914 и 1920 – 1930 – и в политические процессы.

Староверы, проживающие на территории Латгалии, восточной части современной Латвии, фактически являются одной из наиболее устойчивых этнорегиональных групп, сохраняющих свою коллективную религиозную и культурную идентичность на протяжении более трех столетий. Однако общие процессы секуляризации общества, сопровождавшиеся постепенным ростом городов и формированием урбанистического стиля жизни, коснулись и староверов, несмотря на то, что большинство латгальских староверов продолжали жить в деревнях и заниматься сельским хозяйством, сохраняя определенную изолированность и дистанцию от окружающего мира вплоть до 1920-х годов. Но если в межвоенный период традиционный уклад сельских староверов не подвергался значительным изменениям, то в послевоенное время, с окончательным установлением советской власти, происходит существенный сдвиг традиционного образа жизни. Формирование колхозов и, как следствие, лишение всех земледельцев

¹Реферат подготовлен в рамках проекта "Soviet spirituality" in Latvia: development, features and models of influence. Financed by Latvian Council of Science (Z-LZP76-ZF-N-905).

права частной собственности, а также «раскулачивание» зажиточных крестьян, проходившее в Латвии, в том числе и в Латгалии, в первые послевоенные годы, массовые депортации, развернувшиеся 25 – 30 марта 1949 года, в которых пострадали в том числе и староверы (общее число депортированных из Латвии – 42 125 человек, что составляло 2,2% населения Латвии), оказали серьезное влияние на староверов (да и не только). Память об этом раннем послевоенном периоде долгое время открыто не артикулировалась в воспоминаниях, семейной истории или воспоминаниях. Многие, что было связано с опасностью повышенного внимания и контроля со стороны государственных органов, а значит, представляло опасность и реальных преследований, просто замалчивалось, утаивалось от молодого поколения. Латвийские исследователи устной истории отмечают, что такая самоцензура характерна практически для всех групп латвийского общества, вне зависимости от религиозной или этнической принадлежности.

После восстановления независимости Латвии жизненные истории староверов далеко не сразу привлекли внимание латвийских историков. Во многом это было связано и с тем, что сам метод устной истории в Латвии находился в то время только на начальном этапе формирования. Систематические записи устных воспоминаний староверов начинаются лишь в конце 1990-х годов, а первая коллекция устных интервью со староверами, записанных в рамках исследовательского проекта Центра Устной истории Даугавпилсского университета, формируется с 2006 года. Устные интервью этого периода в большей степени отражают воспоминания старшего поколения (люди, родившиеся в начале 1920-х годов) о межвоенном времени, поскольку с этим временем был связан интерес самих исследователей. В лице староверов они видели в первую очередь «местных русских», носителей живой памяти о жизни в довоенной Латвии. В 2015-2016 годах в рамках проекта по изучению коллективной памяти и нарративов этнических меньшинств группой исследователей устной истории в Институте философии и социологии (ЛУ) также было сделано несколько записей интервью с респондентами-староверами. Зафиксированные воспоминания затрагивают более широкий период времени, в том числе и советский период. Кроме того, респондентами в последние годы становятся люди уже следующего поколения, родившиеся в 1940-х и 1950-х годах. Безусловно, воспоминания людей, детство и юность которых прошли уже в Советской Латвии, отражают несколько иное отношение к этому периоду, хотя в большинстве случаев эмоциональная «эмпатия» к прошлому уравнивается ретроспективно выстроенным критическим переосмыслением собственной биографии в контексте критической интерпретации исторического прошлого. Записи жизненных историй и интервью требуют более глубокого анализа, чем это возможно сделать в рамках данного доклада. Тем не менее, уже на этом этапе можно сделать некоторые предварительные наблюдения и обобщения.

Доклад основан на материалах устных интервью со староверами из Латгалии, записанных на протяжении 2006 - 2016 годов и хранящихся в Центре Устной истории Даугавпилсского Университета. Эти материалы

впервые вводятся в научный оборот, большинство интервью существуют только в аудио-формате и расшифровываются впервые.

Интервью с людьми, родившимися в начале 1920-х годов, чаще всего содержат воспоминания о детстве и школе, череду травматических событий открывает начало войны, послевоенная коллективизация воспринимается продолжением этой травмы теми, кто так или иначе пострадал от «раскулачивания». Респонденты, родившиеся в начале или в конце войны, чаще всего в силу своего возраста еще не помнят этих событий, поэтому главный акцент переносят на тему возможностей достижения относительно благополучия, которые существовали в советский период. Среди главных преимуществ упоминаются возможности получить образование и наличие рабочих мест, а также государственная поддержка – обеспечение квартирами, медицинской помощью и т.д.. При этом респонденты достаточно четко отделяют социальные гарантии, предоставляемые государством, и ограничения, касающиеся идеологического давления и цензуры. Взаимодействие с государственной системой в воспоминаниях этого поколения описывается только в поле профессиональной деятельности (которая, однако, воспринимается в качестве одной из самых важных составляющих «благополучия»). Вопросы веры и религиозного воспитания остаются в плоскости семейной истории и, как ни парадоксально, религиозные практики описываются через призму «беспроблемного» восприятия, вопреки упоминаниям о партийной системе и атеистической пропаганде.

В среде латгальских староверов вплоть до 1970-х годов сохранялось традиционное следование церковному календарю (домашняя молитва, службы в моленной, экзистенциально значимые ритуалы – крещение и погребение). О такой же беспроблемности восприятия свидетельствуют и воспоминания более старшего поколения, которое и было хранителем этих практик, а также заботилось об их воспроизводстве. Однако определенный сдвиг обозначается через истории о детях и внуках, получивших образование и уехавших в город или в другой регион (страну), тем самым отдалившихся и от родителей, и от общих семейных традиций, и от ритма жизни общины. Косвенно, уже в интервью довоенного поколения указывается на распад традиционного воспитания в семье, когда грамотности (умению читать на церковнославянском языке, основам богослужения и богослужебного пения) учил дедушка или бабушка. Внуки, живущие отдельно, и лишь изредка навещавшие дедушек и бабушек, не были погружены в такое «параллельное» образование, которое было исторически распространено в среде староверов (Известный деятель латвийского староверия, И.Н. Заволоко писал о т.н. «тайных школах», которые существовали в период гонений второй трети XIX века). Этот процесс не всегда осознается и напрямую артикулируется респондентами как размывание традиции или основ веры, однако во многих случаях высказывается сожаление об отсутствии интереса к традиции у самого младшего поколения, о принципиальной «инаковости» молодых. Тем не менее респонденты сохраняют убежденность в том, что укорененность в староверии сохраняется даже в том случае, если человек в какой-то период жизни не принимает участия в религиозной жизни. Рано или поздно человек

возвращается в храм и в общину. Эта идея, как правило, иллюстрируется наглядными случаями из жизни респондента. Важное место в жизненных историях занимают рассказы о молитве и силе молитвы, при этом практически никогда не упоминается о каких-либо внешних факторах, способных ограничить саму возможность молиться. Домашнее молитвенное правило, которое исторически занимало центральное место в индивидуальном религиозном опыте староверов, в условиях невозможности посещения богослужений (в силу разных причин) заменяло соборную молитву и обеспечивало включенность в ритм церковного календаря.

Устные жизненные истории латгальских староверов, несомненно, являются ценным источником для изучения и понимания противоречивых процессов, происходивших на протяжении второй половины XX века, и отчасти продолжающихся и сегодня. С одной стороны, интервью отражают непосредственный личный опыт глубокой связи с религиозной традицией, передающийся в семейном кругу через религиозное воспитание как часть повседневного общения старшего поколения (дедушек и бабушек) и внуков. С другой стороны, нарратив жизненного пути в большинстве случаев выстраивается, акцентируя профессиональную деятельность и светское образование как необходимые составляющие достойной жизни, отдаление от включенности в религиозную жизнь общины при этом не воспринимается как недостаток личного участия, а скорее, как закономерное следствие реалий советского времени. При этом в воспоминаниях респондентов сам советский период как правило не подвергается острой критике, политические противоречия и коллизии, пережитые в это время, описываются как обстоятельства, не зависящие от воли человека, а следовательно, требующие дистанцирования, ухода от мира, и этому призывали следовать еще первые последователи Старой Веры.